

ИЗУЧЕНИЕ ДОИНДУСТРИАЛЬНОГО И ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВ МЕТОДАМИ НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ¹

СКОРОБОГАТОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент,
СПб филиал Национального исследовательского университета —
Высшая школа экономики,
e-mail: skorobogat@mail.ru

Статья содержит анализ классических и неоклассических предпосылок относительно значения естественной и институциональной сред в определении сравнительного благосостояния обществ. Рассматриваются различия между индустриальным и доиндустриальным обществами в плане определяющих их характер естественных и институциональных условий.

Ключевые слова: неоклассическая экономика; классическая политическая экономия; индустриальное общество; доиндустриальное общество; мальтузианский кризис; естественная среда; институциональная среда; модель Солоу-Свэна; теория ренты Рикардо; стационарное состояние; гипотеза рациональности; пищевой режим.

The paper analyzes the classical and neoclassical assumptions concerning the effect of the natural and the institutional environments on the comparative welfare of various countries. The distinction is considered between the preindustrial and industrial societies as to their natural and institutional conditions.

Keywords: neoclassical economics; classical political economy; industrial society; pre-industrial society; Malthusian crisis; natural environment; institutional environment; Solow-Swan model; the rent theory of Ricardo; steady state; the rationality hypothesis; feeding regime.

Коды классификатора JEL: B13, B52, D60.

Расширение предметной области неоклассической теории, которое стало обозначаться в послевоенное время как экономический империализм, способствовало разработке особой трактовки междисциплинарной проблематики на стыке экономической и исторической наук. Согласно этой трактовке, историко-экономические исследования не ограничиваются хозяйством, а включают все сферы общественной жизни; их отличает лишь метод — гипотеза рациональности.

Согласно традиционному пониманию этой гипотезы, поведение типичного деятеля в истории определяется мотивом личной выгоды и накладываемыми на него правовыми ограничениями. Последние выступают в виде рыночной экономики, ориентирующей эгоистическое поведение на получение выгоды посредством конкуренции в предоставлении обществу полезных услуг. Это допущение относительно действий рационального индивида, вероятно, и предопределило те хронологические и пространственные рамки, которыми неоклассическая теория стала ограничивать себя в своих

¹ Автор благодарен анонимному рецензенту за сделанные замечания, которые по возможности были учтены в итоговом варианте статьи.

исторических исследованиях: последние в своей подавляющей части относятся к индустриальному миру.

Разница между индустриальным и доиндустриальным обществами в плане их политико-экономических структур и теоретических предпосылок их изучения отмечалась многими выдающимися мыслителями среди как экономистов, так и социологов и историков. В рамках субстантивизма эта разница рассматривалась как основание для отказа от экономической науки в исторических исследованиях (*Buchholz* 1988, 390–391).

Возможен и более умеренный подход. Он предполагал бы, что для изучения доиндустриальных обществ экономическая теория может быть использована лишь при условии ее отказа от ряда допущений, не затрагивающих ее жесткое ядро — основную суть неоклассического метода. Требуется допустить вариативность правовых рамок от тех, которые допускаются неоклассической теорией, до полного их отсутствия. Это открыло бы возможность анализа рационального поведения, ориентированного не только на созидание, но и на распределение или перераспределение с использованием силового, а не экономического потенциала.

Такое нетрадиционное понимание традиционной для экономической теории предпосылки рациональности могло бы стать тем общим знаменателем, который позволил бы выработать синтетическую экономическую методологию истории. Если узкое понимание принципа рациональности в неоклассической теории ограничивает возможности применения экономической теории индустриальной цивилизацией, то принцип рациональности, понимаемый в широком смысле, позволяет анализировать типичное для доиндустриального мира формирование правовых рамок, ограничивающих рациональную деятельность в зависимости от сравнительного силового потенциала участников «общественного договора». Такие исторические правовые рамки обеспечивают не только увеличение доходов общества, но и их распределение, благоприятное для обладателей наибольших силовых ресурсов.

Принцип рациональности в широком смысле мог бы послужить основой анализа как реализации сравнительных преимуществ в результате экономической конкуренции, на которой делает акцент неоклассическая теория, так и реализации силового потенциала. Это сделало бы возможным экономический анализ таких явлений истории, как иерархический характер общественных отношений, зависимость обществ от территориального расположения и опосредованность их институтов занимаемым ими местом в иерархии обществ и, соответственно, в разделении труда и распределении доходов.

РОЛЬ ЕСТЕСТВЕННОЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕД В НЕОКЛАССИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Важными предпосылками для изучения до- и индустриального обществ являются допущения относительно естественной и институциональной сред, в которые они помещаются в теоретических моделях. Концептуальный аппарат предшественников неоклассической теории — классиков XVIII–XIX вв. — содержал, в частности, допущение относительно роли естественной среды. В качестве такового выступал закон убывающего плодородия почвы, позволяющий учесть разницу в возможностях, протекающую из различий территории. Предполагалось, что земля, будучи неоднородной по плодородию, может быть соответствующим образом ранжирована, и тогда занимающие лучшие участки будут получать ренту, т. е. чистый выигрыш от преимуществ занимаемого участка. Хотя неравенство возможностей, задаваемых территорией,

понималось так узко — увязывалось исключительно с условиями земледелия, — этого, в купе с железным законом заработной платы и теорией ренты Д. Рикардо, оказалось достаточно для построения модели исторического развития.

Согласно последней, ход экономической истории определяется степенью сельскохозяйственного освоения земли. При наличии некоего запаса земли сохраняется возможность расширения производства и связанной с этим чистой прибыли. Это доставляет трудовому населению излишек сверх минимума средств существования, который они, в согласии с железным законом, расходуют на увеличение своих семей, вызывая этим рост населения и, тем самым, усиление давления на ресурсную базу. По мере исчерпания земельных ресурсов будут исчерпываться возможности экономического роста и будет приближаться «стационарное состояние» — состояние экономики, исключающее дальнейший рост (Блауг 1994, 82).

Как на наступление стационарного состояния влияет неравенство в распределении ограниченных земельных ресурсов? Поскольку это неравенство связано с неоднородностью занимаемых разными экономическими агентами участков земли в плане их плодородия, на этот вопрос можно ответить, рассуждая от противного, т. е. допустив однородность земельных участков. Чисто теоретически имеющиеся земельные ресурсы могли бы быть распределены равномерно среди населения в случае их полной однородности по плодородию. Тогда рост населения, вызывая последовательное расширение распашки, не сопровождался бы убыванием плодородия и соответствующего падения нормы прибыли, если отвлечься от возможности дополнительных вложений в уже используемые участки.

Первый результат состоял бы в том, что стационарное состояние наступило бы не постепенно, через падающую норму прибыли, а внезапно, когда по причине отсутствия возможностей расширения производства, вызванного полным использованием земли, прибыль разом опустилась бы до нулевого уровня. Второй, связанный с этим, результат заключался бы в исчезновении такого явления как рента.

Согласно Рикардо, последняя возникает благодаря преимуществам в условиях производства, задаваемых разницей в плодородии различных участков. Рента, будучи результатом не вклада в производственный процесс, а перераспределения дохода от капиталистов к ее получателям, оказывается дополнительным фактором, подавляющим стимулы к инвестированию. Иными словами, *неоднородность ограниченной ресурсной базы вызывает к жизни праздный класс, содержание которого увеличивает давление на нее*. Таким образом, стационарное состояние приближается за счет получения частью общества ренты, поскольку последняя усугубляет последствия ограниченности земли, добавляя издержки содержания праздного класса.

В своем дальнейшем развитии экономическая теория в лице представителей неоклассической школы отказалась от допущения об убывающем плодородии, хотя и во многом унаследовала от классической школы предпосылки относительно институциональной среды. В конечном счете, те рамки, которые неоклассическая теория стала накладывать на действия рационального индивида в истории, стали сводиться к допущениям относительно сред, в которые помещается социально-экономическая деятельность. Имеются в виду допущения о:

- ❖ совершенстве и однородности естественной среды;
- ❖ совершенстве и однородности институциональной среды.

Первое допущение сводится к постоянной отдаче от естественной среды, означающее, что рост населения не влияет на удельные издержки жизнеобеспечения человека, исключая тем самым негативное влияние природных факторов и неравенство возможностей, задаваемых территориями. Это допущение о *нейтральности террито-*

риш для экономики, фактически представляет мир таким, как если бы вся земля была совершенно одинакова в плане выгоды ведения хозяйства и существовала в бесконечном количестве.

Однородность естественной среды явилась частным случаем неоклассической предпосылки об однородности всех используемых факторов производства. Если в ней и принимается похожее допущение об убывающей предельной производительности, оно основывается не на разнородности различных единиц факторов, а на их оптимальной комбинации, предполагающей зависимость отдачи от фактора производства от его соотношения с используемыми объемами других факторов. Признание однородности всех факторов производства, в частности производственных условий, задаваемых естественной средой, стало основой допущения о равенстве возможностей, так что различие в занимаемой территории, как и в любом другом имеющемся факторе производства, не может выступать в качестве источника особых преимуществ.

Другие два допущения, вытекающие из предпосылки об однородности естественной среды, — постоянный эффект масштаба и постоянная отдача от приобретения и приложения знаний. Влияние природы как естественной среды для приложения как факторов производства, так и совершенствующихся технологий, полностью устраняется за счет признания однородности всех ее единиц, вступающих в соприкосновение с используемыми в сочетании с ними факторами производства и технологиями, и, тем самым, их нейтральности.

Совершенство институциональной среды выражается в полноте спецификации и защиты прав собственности и нулевых (незначительных) транзакционных издержках. Это означает совершенное координирующее и стимулирующее действие относительных цен. Последние содержат информацию о том, что делать, и побуждают действовать в указываемых направлениях, апеллируя к мотиву максимизации полезности. Но здесь речь идет не просто об эффективном функционировании рыночного механизма, а, в более широком смысле, о равенстве частных и социальных выгод (издержек) во всех сферах человеческой деятельности. Всякое действие индивида приносит ему вознаграждение, целиком соответствующее его социальному эффекту, является ли этот эффект полезным, вредным или нейтральным.

Скажем, равенство частных и социальных выгод рождения детей предполагает, что вся полнота выгод от этого достается родителям, обеспечивая этим общественно-рациональный выбор в этой сфере. Точно так же и равенство частных и социальных издержек рождения детей, приводя к тому, что вся полнота издержек рождения детей ложится на родителей, должно полностью исключить такое явление, как мальтузианские кризисы. Ведь социальные издержки произведения на свет потомства, связанные с перенаселенностью и вытекающим отсюда давлением на ресурсную базу, распространением эпидемий и нарушением социального баланса, полностью учитываются будущими родителями, так что всякое их решение о рождении ребенка будет приносить обществу неотрицательный чистый выигрыш.

Другой пример — равенство частных и социальных выгод инновационной деятельности, которое в силу той же логики с необходимостью должно привести к полной реализации творческого потенциала каждого индивида на благо общества. В результате всякое конструктивное решение, которое может быть найдено и с пользой внедрено, будет во время обнаружено и реализовано.

Общество, характеризующееся равенством частных и социальных издержек, будет соответствовать эволюционной концепции А. Алчиана, предполагающей естественный отбор в реализации конструктивных возможностей индивидов, социальных групп и институтов (*Alchian 1950*). Чтобы выйти на сцену общественной жизни, требуется

победить в конкурентной борьбе. Сама же эта победа с необходимостью указывает на победившую альтернативу как оптимальную для общества, независимо от того, знает ли это ее носитель.

Еще одним важным следствием этого допущения является неотрицательная отдача от сбережений. Хорошо установленные и защищенные права собственности гарантируют сохранность сбережений, а низкие издержки заключения и реализации контрактов должны обеспечить легкость превращения сбережений в надежные долговые обязательства или участие в капитале.

Таков смысл допущения о совершенстве институциональной среды. Однородность же институциональной среды означает, что индивиды и коллективы действуют в одинаковых институциональных условиях, а именно могут рассчитывать на одинаковую определенность и защищенность прав собственности и одинаковые организационные возможности.

ВЛИЯНИЕ ДОПУЩЕНИЙ ОБ ОДНОРОДНОСТИ СРЕД НА АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

На основе этих допущений была построена модель Солоу-Свэна, ставшая краеугольным камнем неоклассической теории роста (*Acemoglu 2009*). Согласно общей логике неоклассического подхода, положенной в основу этой модели, отправной точкой анализа экономического поведения и развития является проблема редкости, т.е. ограниченности ресурсов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. Она вызывает необходимость рационального выбора при использовании ограниченных ресурсов с целью выжать из них максимальное удовлетворение. Рациональный выбор, помимо всего прочего, предполагает предпочтение большего количества благ меньшему. Отсюда необходимость использования части производимых благ для увеличения производственных возможностей. Стремление человека к увеличению потребления предполагает постоянное расширение капитального запаса, которое, в свою очередь, требует образования сбережений.

Расширение капитального запаса в модели Солоу-Свэна выступает основным источником роста. Поскольку капитал приносит максимальную отдачу при его использовании в определенной (оптимальной) пропорции с количеством труда, т.е. при условии оптимальной фондовооруженности, то именно последней задаются пределы расширения капитального запаса. Иными словами, стимулом для инвестиций является относительная редкость капитала, выражаемая значением фондовооруженности ниже оптимального уровня. Устойчивый рост возможен лишь при условии поддержания оптимальной фондовооруженности. Соответственно, если в начальных условиях фондовооруженность является оптимальной, рост возможен при условии действия факторов, снижающих фондовооруженность, — роста населения и технического прогресса, где первый увеличивает редкость капитала, а последний смещает график его отдачи вверх.

Рост населения и технический прогресс могут действовать либо по отдельности, либо в определенной комбинации. Действие отдельно взятого роста населения будет приводить к чисто экстенсивному росту ВВП, при котором дополнительные потребительские и инвестиционные блага будут распределяться среди дополнительного населения, оставляя фондовооруженность и душевой доход неизменными. И то, и другое будет расти при условии действия второго из указанных факторов, стимулирующих инвестиции, — прогресса технологий. Инновация имеет смысл, если отдача от нее превышает отдачу от создания дополнительной единицы известного капитала.

При той же фондовооруженности коммерчески целесообразные инновации приводят к повышению отдачи от капитала, обеспечивая его прибыльное увеличение при заданной численности населения, что, в свою очередь, будет иметь результатом интенсивный рост, предполагающий увеличение фондовооруженности и душевого дохода.

Инвестиции, помимо роста населения и технического прогресса, обеспечивающих стимулы к ним через повышение отдачи от капитала, зависят также от наличия финансовых источников, возникающих благодаря образованию сбережений. В модели Солоу-Свэна предполагается, что доля сберегаемого дохода всегда достаточна, чтобы обеспечить расширение капитального запаса, соответствующего устойчивому росту. В развитой на основе модели Солоу-Свэна неоклассической модели роста уделяется внимание стимулам домашних хозяйств к накоплению сбережений, связанным с рациональными соображениями относительно ставки процента и межвременных предпочтений. Однако конечный результат остается прежним, а именно, предполагается, что рационально обусловленный выбор доли сберегаемого дохода целиком соответствует темпу расширения капитального запаса, обеспечивающего устойчивый рост.

Итак, *сбережения, рост населения и технический прогресс* выступают в неоклассической модели как основные факторы расширения капитального запаса и, тем самым, экономического роста. Совершенство институциональной среды означает наличие достаточных стимулов к сбережениям и инновациям, а однородность естественной среды — равенство возможностей и потенциально бесконечную ресурсную базу. Все это означает безграничные возможности как интенсивного, так и экстенсивного роста.

НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Как уже указывалось, неоклассическая теория стала теорией именно современной индустриальной цивилизации, важнейшим отличием которой от всех других прошлых или современных цивилизаций является длительный и интенсивный экономический рост (*Acemoglu* 2009, 863; *North* 1981, 158–160). Если воспользоваться выражением Броделя, экономический рост в Западном мире возник «лишь вчера» — на рубеже XVIII–XIX вв., — тогда как вся остальная история человеческой цивилизации прошла в условиях нулевого экономического роста. В те редкие периоды доиндустриальной истории, когда некоторое увеличение объемов производства все-таки наблюдалось, оно имело сугубо экстенсивный характер и обычно уничтожалось в последующие периоды экономического упадка.

Неспособность доиндустриальных экономик к длительному росту проистекала из того, что естественная и институциональная среды, в которые они были помещены, обычно не обладали теми замечательными свойствами, которые им приписывает неоклассическая теория при описании индустриальной экономики. Естественная среда не только предполагала убывающую отдачу, но зачастую была единственным фактором, определявшим сравнительное благосостояние обществ. Изначальное неравенство возможностей, задаваемых неоднородной естественной средой, как правило, не преодолевалось ни технологическими усовершенствованиями, ни разделением труда в соответствии со сравнительными преимуществами сторон, оставляя завоевание или грабеж единственными способами улучшения материального положения.

Подобным образом и институциональная среда характеризовалась преобладанием размытых и плохо защищенных прав собственности и связанных с этим крайне высоких транзакционных издержек. Типичными атрибутами такой институциональной среды были свободный доступ к редким ресурсам или же коммунальная собственность,

а также частный характер ее защиты и, соответственно, крайне высокие издержки этой защиты. Будучи несовершенной, институциональная среда была еще и неоднородно распределена между индивидами и коллективами, предоставляя ее блага в зависимости от места коллектива или индивида в той или иной иерархии.

Информативные сигналы и производительные стимулы, создаваемые несовершенной и неоднородной институциональной средой, обычно были достаточны для производства лишь немногим более минимума средств существования. Инвестиции как способ употребления излишков лишь недавно пришли на смену дотоле господствовавшим проеданию и тезаврации. В доиндустриальном же обществе излишки сверх минимума если и возникали, то были связаны не столько с систематическим прогрессом в хозяйстве, сколько с превратностями климата и урожайности или с успешными грабежами. При этом употреблялись эти излишки не на расширение производства, а на избыточное потребление или образование сокровищ.

Те факторы, которые являются безусловно необходимыми для долговременного роста, — сбережения и инновации — не могли проявляться на систематической основе по причине отсутствия стимулов для них, вызванного размытостью/незащищенностью прав собственности. Поскольку основой для присвоения и потребления редких благ по большей части было право силы, какие-то созидательные стимулы могли быть лишь у слабых и бедных, не имевших сил, чтобы забрать чужое.

Перспектива грабежа как угроза для слабых и как шанс для сильных должны были одинаково ориентировать и тех, и других на непроизводительное употребление излишков. У первых отказ от сбережения излишков в пользу их проедания проистекал из слабой надежды на их сохранение, а у последних — из того, что основой их процветания были инвестиции в увеличение не экономического, а силового потенциала. Что же касается инноваций, то они были отданы на откуп энтузиазму, как правило, не имея под собой никакой коммерческой основы (*Finley 1965*).

Указанные институциональные несовершенства предполагают *слабую обратную связь между общественно-рациональным выбором в использовании ресурсов и получаемой отдачей*. Это выражается в огромной разнице между частными и социальными выгодами (издержками), которые не позволяют реализоваться естественному отбору в реализации конструктивных возможностей. Естественный отбор в данном случае если и делал кого-то победителем, это был лучший в реализации не созидательных способностей, а хищнических наклонностей. В частности, разница в индивидуальной эффективности не воплощалась в соответственно различающемся вознаграждении, поскольку основная часть результатов труда, будь то эффективного или неэффективного, у слабого труженика отбиралась сильным².

Естественный отбор в хищничестве, а не в конструктивной деятельности реализовывался в конкуренции как между индивидами и группами внутри обществ, так и между обществами. Внутри обществ преимущество сильного воплощалось в типичной в истории социальной структуре, в которой обладателями высоких статусов становятся военные, чиновники или политики, но почти никогда — земледельцы, купцы или ремесленники³. Примеры, иллюстрирующие эту повторяемость в истории, включают

² Разумеется, что такая эксплуатация возможна лишь при условии производства тружеником прибавочного продукта. Если господствует присваивающее хозяйство и труд каждого едва обеспечивает ему необходимый продукт, развитие силового потенциала в описанном выше смысле не имеет смысла, поскольку отбирать будет нечего. Таким образом, инвестиции в приобретение силового ресурса приносят отдачу в зависимости от прогресса технологии в хозяйственной сфере, который делает потенциально прибыльной деятельность, связанную не только с производством, но и с перераспределением, т. е. как экономические инвестиции, так и инвестиции в приобретение силы осуществляются ради «насыщения желудка» (*Энгельс 1961, 164*).

³ См. например, обзор итогов «эпохи сабли» в (*Нефедов 2008, 480–482*).

в себя общественные слои, которые, будучи лишенными полноценных гражданских прав, специализировались на торговле, ремеслах или земледелии как на занятиях, считавшихся непрестижными среди обладателей более высоких статусов. К таким слоям можно отнести метеков в Афинах, евреев и мавров в Испании, армян в Османской империи (*Бродель* 2006, 141–146).

В обществах, где не было такой выраженной специализации национальных или религиозных меньшинств, земледельцы, даже будучи формально гражданами, обычно находились в низу социальной лестницы. Это будет справедливо в отношении и Римского полиса, по меньшей мере со времени упразднения царской власти (*Моммсен* 1887, т. I, 265–282, 842; т. II, 74; *Rostovtzeff* 1928, 107), всех «гидравлических обществ» (*Wittfogel* 1957, 126, 288, 296–300), и феодальных обществ Европы, а также России в течение всех периодов ее истории от киевского до советского (*Кулишер* 2004б, 51, 63–90, 257–302, 415–422; *Верт* 2006, 415, 461). В таких условиях неудивительно, что «крестьяне руководствовались ... принципом минимальных усилий» (*Finley* 1985, 127).

В качестве иллюстрации того, что хозяйством в доиндустриальном мире преимущественно заняты низы, подойдет и общее историческое наблюдение Ф. Броделя о средневековом и современном «капитализме», согласно которому узкая торговая специализация обычно оказывается уделом низов (*Бродель* 2006); и сугубо эксплуататорское отношение государства и элиты к тем, кто был занят хозяйством, как это было выражено М. Ростовцевым в отношении Римской империи, в которой, по словам историка, «отношения между государством и налогоплательщиками были основаны на более или менее организованном грабеже: принудительный труд, принудительные поставки, принудительные займы или дары были в порядке вещей» (*Rostovtzeff* 1926, 505; *Finley* 1985).

Относительно же внешней конкуренции существует множество примеров того, как варвары одерживали верх над обществами, значительно их превосходившими культурой и богатством. К ним можно отнести победы «народов моря» над ханаанскими государствами; римлян — над средиземноморскими культурными обществами; германцев — над Римом; арабских бедуинов — над Византией и Персией; монгол — над Китаем; турок — над Византией, Египтом и Персией; вообще — бесчисленные примеры преимущества кочевых обществ над оседлыми⁴. Таким образом, если учесть, что конкуренция в основном происходила в силовой, а не производительной сфере, неудивительно, что «в традиционном обществе чаще всего в роли фундаментального открытия⁵ выступает новое оружие, которое порождает волну завоеваний» (*Нефедов* 2008, 31).

В силу указанной слабости обратной связи общественные системы обладали низкой адаптивной способностью. Это проявлялось в длительном сохранении сравнительно неэффективных технологий и форм организации в сфере производства.

Кризис того или иного рода обычно является признаком недостаточной способности системы адаптироваться к изменениям. В качестве примера могут служить мальтузианские кризисы — снова и снова возникавшие в доиндустриальном мире социально-демографические катаклизмы, вызванные отсутствием надлежащих институциональных механизмов регулирования рождаемости. Подмеченное Т.Р. Мальтусом возникающее временами несоответствие между численностью населения и локальной ресурсной базой регулярно становилось причиной переселений народов и связанных

⁴ См. (*Нефедов* 2008). Каждая глава этой обширной монографии содержит исторические факты, могущие служить в качестве иллюстрации этого общего принципа.

⁵ «Эффект фундаментальных открытий таков, что они дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими народами» (*Нефедов* 2008, 30).

с этим набегов и завоеваний, эпидемий инфекционных заболеваний, голода⁶, нарушенный социального равновесия.

Неспособность системы к адаптации к ресурсно-демографическим вызовам была связана с заложенной в ней глубокой разницей между частными и социальными выгодами (издержками) рождения детей. В традиционном обществе количество людей — основной источник сравнительной силы и, тем самым, благосостояния коллектива (*North* 1981, 84). В принятии решений относительно обзаведения потомством именно эти сугубо частные выгоды принимаются во внимание и не учитываются перекладываемые на более крупные человеческие массы социальные издержки, связанные с созданием предпосылок для мальтузианского кризиса, будь то эпидемия, война или всплеск преступности.

Из несовершенства и неоднородности естественной и институциональной сред развились такие системообразующие для доиндустриального общества признаки, как регулярные мальтузианские кризисы и отсутствие накопления капитала и регулярной инновационной деятельности. Глубокое различие между этими и другими признаками, отличающими доиндустриальное общество от индустриального, и принятие неоклассической теорией признаков последнего в качестве своих базовых допущений, означает, что возможности ее применения ограничиваются историей индустриального общества.

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ, РЕСУРСНАЯ БАЗА И МАЛЬТУЗИАНСКИЕ КРИЗИСЫ

Для анализа же доиндустриального общества методами экономической теории может быть необходимым ослабление неоклассических допущений относительно естественной и институциональной сред, при сохранении жесткого ядра неоклассического метода — принципа рациональности. Уже отмечавшийся фактор неоднородности естественной среды оказывается тем более значимым, что зачастую является определяющим и для институциональной неоднородности обществ.

Также на неоднородность территории накладывается дополнительный эффект, вызванный проистекающим из этой неоднородности различием возможностей для сообществ и индивидов. Значение имеют не только естественные свойства территории, но и свойства, производные от человеческой деятельности, поскольку человек трансформирует окружающую среду и актуализирует ее ресурсы (*Wittfogel* 1957, 11). Потому неоднородность территории, кроме чисто пространственного измерения, имеет и измерение временное, и *географически-обусловленное распределение возможностей является одновременно и исторически-обусловленным* (*Скоробогатов* 2010, 277–278).

На все параметры территории влияет динамика и относительная численность населения, и во многом именно благодаря последним относительные преимущества той или иной территории являются продуктом человеческой истории. В доиндустриальном мире заполнение людьми территории, распределение и рост населения подчинялись иным эмпирическим закономерностям по сравнению с индустриальной эпохой. Подобно экономическому росту, рост населения в доиндустриальную эпоху был весь

⁶ По Мальтусу, минимум средств существования задает равновесную численность населения, так что превышение равновесного уровня ведет к катастрофам, возвращающим население к равновесию. Р. Фогель развивает эту идею, предполагая множественность таких равновесий, допускающих различную численность населения при одном и том же предложении продовольствия, но с разницей в размере тела и смертности. Это значит, что рост населения при фиксированном предложении продовольствия не обязательно должен сопровождаться катастрофой, а скорее может вызвать уменьшение среднего размера тела и рост смертности. (*Fogel* 2004, 27)

ма умеренным, будучи подвержен при этом спадам, нередко уничтожавшим плоды предшествующих подъемов; в индустриальную же эпоху рост населения (как и дохода в Западном мире) стал качественно иным по своим темпам.

В соответствии с ростом населения происходило и заполнение территории. Подавляющая часть мирового населения всегда занимала узкую полосу суши, постепенно расплзаясь по ней, «подобно масляному пятну» (*Бродель 2007, 27*). И хотя темп этого расплзания резко увеличился в индустриальную эпоху, едва ли не большая часть суши до сих пор остается неосвоенной. Следовательно, всякое давление населения на ресурсы во все времена, в принципе, могло быть снято колонизацией, поскольку всегда имело сугубо местный характер.

В истории имеется множество примеров того, как катаклизмы, связанные с ростом населения, разрешались колонизацией и эмиграцией. В античные времена финикийская, карфагенская и греческая колонизации была связана с обычной практикой античных полисов решать проблему избыточного населения путем основания колоний в виде новых зависимых полисов. Многочисленные переселения народов будь то в древности, в Средние века или в Новое время также были отражением возраставшего давления на местную ресурсную базу, ослаблявшегося за счет отлива избыточного населения.

Хорошим примером здесь может служить колонизация славянских племен: из Прикарпатья на неосвоенные территории Центральной и Восточной Европы, а из последней, из Приднепровья, — в междуречье Оки-Волги, а позднее еще дальше на восток. Эти последовательные колонизации, согласно В. О. Ключевскому, стали «основным фактом нашей истории» (*Ключевский 1987, т. I, 49–53*) и почти всегда были средством ослабить давление на местную ресурсную базу. Так, когда на древнее местопребывание славян на задунайских территориях стал предьявляться повышенный «спрос» в виде набегов кочевых народов, в особенности после прихода туда авар, славяне стали переселяться на другие, более спокойные территории (*Ключевский 1987, т. I, 122–124*); подобным образом набеги половцев вызывали отлив русского населения из южно-русских областей на северо-восток (*Ключевский 1987, т. I, 282–294*); в современной же истории, в начале XX в., малоземелье в Европейской части России, ставшее важнейшей причиной кризиса 1905–1907 гг., вызвало, пусть и направляемое сверху столыпинскими реформами, крестьянское освоение сибирских территорий.

Также и в истории Запада войны, революции, эпидемии, голод разрешались миграциями и колонизациями. Быстрый рост населения в XI–XIII вв. в Европе, вызвавший удорожание земли и обеднение части элиты, стимулировал движение на восток — сначала на мусульманский, а затем и на славянский, — наиболее долгосрочным последствием которого в конечном счете стала германская колонизация славянских и балтийских территорий (*Бродель 2007, 69*). Позднее рост населения в течение «долгого шестнадцатого века» также разрешался массовыми миграциями (*Wallerstein 1974, 67, 68, 117*). Так, Тридцатилетняя война вкупе со связанными с ней эпидемиями и голодом вызывала переселения из наиболее уязвимых территорий, например из наиболее пострадавшей от войны Германии в Голландию (*Кулишер 2004а, т. II, 20–21*). Нищета во Франции, Англии, Ирландии, становившаяся результатом экономической экспансии, обнищанием и скученностью населения, опять-таки, оказалась основной причиной массовых эмиграций в новый свет (*Кулишер 2004а, т. II, 462*).

Миграция была средством спасения даже в условиях глобальных катастроф, таких как массовые эпидемии, поскольку они имеют переходящий характер и неравномерно распределяются по территории. Например, европейская Черная смерть 1347–1350 гг., как принято считать, пришла с дальнего востока, на котором к тому

времени она уже угасла. При этом в Европе на недалеком расстоянии от опустошаемых эпидемией регионов могли располагаться регионы, которые болезнь обходила стороной. В Италии, особенно пострадавшей от эпидемии, были регионы, вообще не затронутые ею, например, Милан с его окрестностями, который не пострадал от эпидемии, тогда как Флоренция (располагающаяся на расстоянии двух с половиной сотен километров к юго-востоку от Милана) потеряла едва ли не половину своего населения (*Klapisch-Zuber* 2008, 132). И бегство с пораженной территории было распространенным способом спасения. Художественной иллюстрацией этого является «Декамерон» флорентийца Боккаччо, написанный им на вилле близ Флоренции в годы Черной смерти⁷.

Таким образом, *периодически возникавшие мальтузианские кризисы никогда не имели вездесущего характера*, и это будет справедливо даже в отношении мировых катастроф. В подавляющем большинстве мальтузианские кризисы были результатом местного усиления давления на ресурсы при невозможности его ослабить из-за тех или иных преград для перемещения населения. Население, оказывавшееся в зоне локального кризиса, подвергалось разнообразным катаклизмам — голоду, эпидемиям, войнам, смутам и преступлениям, природным бедствиям. Это приводило к уменьшению численности населения на данной территории, но лишь отчасти по причине его гибели, в то время как другой важной причиной уменьшения численности населения было его перемещение на более безопасные территории.

Мальтузианский кризис происходит из-за относительной редкости ресурсов. Голод — от относительного избытка населения на данной территории. Голод содержит в себе призыв к изменениям в отношениях с окружающей средой — можно сократить число ртов, можно расширить используемое пространство, наконец, можно произвести изменения в рационе, т. е. голод — это не непременно претензия к численности населения. Эпидемии наносят удар по большим скоплениям людей, в частности, от них должны страдать города. Но ведь скученность говорит не столько о численности населения, сколько о его распределении, и подверженность эпидемиям — отрицательное последствие скученности, которое люди терпят ради ее потенциально еще более значительных положительных последствий в виде выгод от торговли и разделения труда.

Природные катаклизмы, конечно, можно связать с тем, что люди поселились на плохом месте по причине занятости мест хороших. Природные бедствия, на первый взгляд, отражают тот факт, что люди последовательно занимают худшие земли. Но, как и голод, это можно считать призывом к изменениям отношений между человеком и природой: изменения среды обитания или ее использования — вот ответы на катаклизмы, альтернативные уменьшению численности. Скажем, при систематических засухах, как в российской черноземной полосе, или наводнениях, как когда-то в недавно основанном Санкт-Петербурге, можно строить ирригационные сооружения, плотины, дамбы и т. д.; или же производить необходимые изменения в выборе возделываемых культур либо, шире, специализации в рамках разделения труда на более обширной территории.

Все это говорит о возможности очень широкого спектра соотношений населения и ресурсной базы, на одном конце которого будет располагаться присваивающее хозяйство дикого племени, а на другом — высокотехнологичное хозяйство развитой индустриальной цивилизации. Все возможные соотношения населения и ресурсов до нашего времени сосуществуют, будучи представлены сообществами разного уровня

⁷ Общие наблюдения относительно миграции как распространенной реакции населения на самые разные катаклизмы можно найти в (*Бродель* 2007, 25–26, 45–59).

развития, которые располагаются по планете поясами по соседству друг с другом. Так уже упомянутая узкая полоска цивилизованного мира дополняется поясом мотыжных культур, характеризующихся подсечно-огневым хозяйством в качестве доминирующего технологического уклада и соответствующей этому укладу обширной относительной ресурсной базой. Далее следует пояс дикарей с характерным для них присваивающим хозяйством и еще более обширной ресурсной базой.

Уровень жизни в этих диких или полудиких сообществах нередко выше, чем в обществах цивилизованных (Бродель 2007, 144), из-за чего возникает вопрос о движущих силах, заставляющих подобные сообщества постепенно переходить на более высокий уровень. Ведь такой переход не дает гарантированного повышения уровня жизни. Ответ на этот вопрос заключается в том, что выживание сообщества определяется не только ресурсной базой, но и его способностью отстоять ее от посягательств других сообществ (Скоробогатов 2011, 42). Способность же эта во все времена зависела от численности сообщества. Поэтому, хотя дикие и полудикие племена и пользуются обширной ресурсной базой, их благополучие им не гарантировано по причине их немногочисленности и слабости.

Иными словами, *проблема выживания двуедина: нужно выжить перед лицом природы и перед лицом других сообществ*. Это требует тонкой подстройки численности населения как к миру природы, так и к миру людей, состоящей в том, чтобы не доводить до критического уровня давление на ресурсную базу и, в то же время, сохранять силовой потенциал. При этом по причине уже упомянутой изменчивости исторических характеристик территории, всякое такое равновесие между численностью сообщества и противостоящими ему природой и другими сообществами должно быть временным и регулярно нарушаться в сторону обострения отношения либо с природой, либо с конкурирующими за нее сообществами. По мере смены таких подвижных равновесий сообщество постепенно переходит от низших к высшим формам общественного строя, что выражается в увеличении плотности населения вкупе с (по крайней мере, первоначальной) тенденцией к понижению среднего уровня жизни и увеличением его силового потенциала⁸.

У мальтузианского кризиса, помимо чисто ресурсного есть и социальное измерение. Во многих случаях кризисы возникали не от объективного недостатка ресурсов, а от нарушения равновесия внутри социальных общностей. Мальтузианские кризисы могут быть результатом невозможности для части населения обеспечить себе не только средства существования, но и уровень потребления, соответствующий их статусу. В результате, усиление местного давления на ресурсную базу может приводить к вынужденной утрате статуса привилегированными или же к углублению разрыва между богатыми и бедными, к вертикальным перемещениям внутри социальной иерархии и т.д. (Braudel 1972, 734). Так, социальные катаклизмы могут происходить даже при отсутствии непосредственных угроз жизни человека, исходящих от недостатка средств существования.

Мальтузианский кризис ставит людей перед дилеммой — либо напрячься, либо уменьшиться числом. Вначале, как правило, выбирается последнее, а в долгосрочной перспективе находятся силы и произвести необходимые изменения. Мальтузианские кризисы играли роль периодически срабатывающего спускового клапана для снятия избыточного давления на ресурсы при невозможности для общества сразу же произвести надлежащие изменения в своих отношениях с естественной средой. В доинду-

⁸ Бродель отметил интересное различие в соотношении прогресса и уровня жизни масс в прошлом и в настоящем. В доиндустриальном мире людям жилось легче в условиях спада, а прогресс оплачивался их обнищанием и порабощением. В индустриальную же эпоху рост экономики постепенно стал сопровождаться ростом душевого дохода (Бродель 1992, 83).

стриальном мире именно благодаря мальтузианским кризисам, с одной стороны, вновь и вновь достигалось равновесие между населением и ресурсами, а с другой стороны, рост населения был нулевым или незначительным.

Одной из наиболее неизменных демографических переменных является распределение населения по планете. Бродель указывает на то, что распределение населения остается постоянным на протяжении длительного времени и воспроизводится вместе со всеми изменениями его общей численности; в частности, постулируется приблизительное равенство Китая и Европы. Постоянство распределения населения по планете Бродель объясняет климатическими ритмами, указывая на сохранение пропорций в численности населения между разными странами при глубоких изменениях в общей численности населения. Поскольку те или иные исторические факторы, действующие на численность населения, в истории почти всегда обнаруживались только в отдельных странах, тогда как динамика численности населения обычно имела планетарный охват, то отсюда он делает вывод о том, что это должно объясняться естественными причинами, как климатические ритмы, влияющие на всю планету (Бродель 2007).

Тем не менее, и здесь Новое время и, в особенности, индустриальная эпоха внесла значительные коррективы, затронув при этом, наряду с обществами с самого начала бывшими в авангарде Промышленной революции, медленно развивавшиеся аграрные страны. Население России накануне петровских реформ было невелико даже сравнительно с европейскими странами — Францией, Польшей, Испанией, но к началу Первой мировой войны это соотношение радикально изменилось — ее население стало в несколько раз превышать население любой из европейских стран. В XX же веке соотношение населения России и Европы стало обратно меняться в пользу последней. Еще более заметное изменение произошло в распределении населения между Китаем, с одной стороны, и Россией и остальной Европой, с другой стороны. Так, если накануне Первой мировой войны население Китая превосходило российское население примерно в 2,5 раза, то теперь Китай почти десятикратно превосходит население России⁹. Население Китая выросло и в сравнении с населением всей Европы, которому оно было равно до Промышленной революции и которое теперь оно превосходит не менее чем вдвое. Драматически изменилось и соотношение населения Евразии и Америк после их освоения.

Эти изменения скорее говорят в пользу общественных факторов против естественных, таких как климатические ритмы. Действие последних на население, как уже упоминалось, предполагает сохранение пропорций численности населения между разными территориями. Пропорции же эти, хотя и оставались неизменными на протяжении длительного времени в доиндустриальную эпоху, стали быстро меняться после Промышленной революции.

Здесь проявилась еще одна интересная закономерность: Запад, переживший Промышленную революцию, индустриализацию и связанные с этим быстрые темпы роста, тем не менее, стал меньше сравнительно с азиатскими странами, в большинстве своем до последнего времени остающимися аграрными. Выходит, *такое последствие индустриализации, как рост населения, Запад экспортировал в другие страны, оставив у себя лишь малую его часть*. К этим другим странам можно отнести такие аграрные страны, как Российская империя, пережившая демографический взрыв в XIX–нач. XX вв., и Китай, относительно росту населения которого не помешало то, что индустриализация там по-настоящему началась лишь тридцать лет назад.

⁹ И пусть не в такой степени это глубокое изменение остается в силе, даже если учесть отпавшие территории Российской империи.

Этот феномен объясняется А.Г. Вишневым реализацией «третьей схемы» демографической революции в развивающихся странах, которые «не знали ранних стадий демографического перехода, он начался сразу стремительным скачком от старого типа смертности к новому... Вторая же фаза демографической революции в лучшем случае только начинается, да и то далеко не везде. Поэтому превышение рождаемости над смертностью достигает огромных размеров, а мощность демографического взрыва — небывалой силы» (Вишневский 1976, 166). Таким образом, вызванное индустриализацией изменение пропорций численности населения между Западом и остальным миром может быть объяснено косвенным эффектом индустриализации в виде снижения смертности в сочетании с неравномерным компенсирующим изменением рождаемости. Из-за этого западные страны после корректировки смертности и рождаемости выходят на доиндустриальные темпы естественного прироста населения (без учета иммиграции), тогда как развивающиеся страны без надлежащей корректировки рождаемости до сих пор испытывают бурный рост населения¹⁰.

ПИЩЕВОЙ РЕЖИМ И УСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВА

Ключевым фактором распределения населения по территории был и во многом остается пищевой режим. Содержанием пищевого режима является рацион питания и, прежде всего, основной продукт, от наличия которого в наибольшей степени зависит жизнеобеспечение населения. Выбор сообществом пищевого режима влияет на его численность и плотность размещения на территории, поскольку разные отрасли сельского хозяйства и разные культуры различаются своей отдачей в виде калорий и связанной с ними способностью жизнеобеспечения. Так, земледелие позволяет прокормить значительно большее население на данной площади, чем скотоводство, а скотоводство предоставляет здесь большие возможности, чем охота и собирательство. Поэтому экономический прогресс в доиндустриальном мире, выражающийся в переходе от присваивающего хозяйства к производящему, а в рамках последнего — от скотоводства к земледелию¹¹, сопровождается уплотнением населения на данной территории.

В то же время разные земледельческие культуры также различаются своей способностью обеспечивать калориями: рис гораздо эффективнее пшеницы и большинства прочих злаков, хотя и рис неоднороден. Высокой плотностью населения характеризуются «рисовые культуры», главным видом деятельности которых является возделывание поливного риса, тогда как суходольный рис обеспечивает пропитание незначительного кочующего населения. Значительная разница между рисом и пшеницей в количестве калорий на единицу возделываемой пашни позволяет объяснить и распределение населения между Азией и Европой, выбравшей в качестве традиционной земледельческой культуры пшеницу. Еще одним важным отличием Европы от азиатских рисовых культур является широкое развитие животноводства, калорийная отдача ко-

¹⁰ Характеризуя непосредственное влияние Промышленной революции на демографическую динамику в европейских странах на рубеже XVIII–XIX вв., Кулишер указывал, что «быстрое возрастание населения в Европе является последствием сокращения смертности при неизменившейся рождаемости» (Кулишер 2004а, т. II, 462). Позднее же в Европе происходит адаптация рождаемости, завершение которой привело к новому типу воспроизводства населения при низкой рождаемости и смертности. Тем самым, демографический взрыв должен приходиться на переходный период уже снизившейся смертности, но еще не приспособившейся к этому рождаемости. Соответственно, в такой переходный период должен отмечаться и мальтузианский кризис, на который население реагирует опять-таки главным образом миграцией (Кулишер 2004а, т. II, 460-463).

¹¹ Под «переходом» подразумевается не обязательно полный отказ от предшествующей формы хозяйства, а скорее уменьшение его роли относительно последующей формы.

того ниже любой земледельческой культуры, хотя этот недостаток животноводства частично и может быть оправдан обеспечиваемым им дополнительным источником энергии в виде тяглового скота и удобрения.

Увеличение плотности населения в Европе может быть поставлено в соответствие постепенным изменениям ее пищевого режима. В древности основными источниками пропитания европейских обществ были охота, собирательство, подсечно-огневое хозяйство и скотоводство (*Кулишер* 2004а, гл. I, II). Последующее хозяйственное развитие в Европе выражалось в увеличении значимости пшеницы. В Новое время Европа переживает продовольственные революции¹², состоявшие в распространении альтернативных основной культур, в частности, кукурузы и картофеля. Если учесть, что последние превосходят пшеницу по калорийной отдаче, этим можно объяснить значительное увеличение плотности европейского населения в Новое время.

Выбор пищевого режима формируется главным образом под влиянием естественных условий наличной территории. Очевидно, что пища (как и одежда, жилище и т. д.) в огромной степени зависят от климата и наличных материалов.

В разных цивилизациях определенная культура или сельскохозяйственная отрасль — пшеница в Европе, рис в Юго-Восточной Азии или скотоводство в азиатских и восточно-европейских степях — имеет тенденцию становиться центральным видом деятельности, определяющим всю хозяйственную деятельность и вместе с ней весь строй общественной жизни. Это является важнейшим отличием доиндустриального мира от современной индустриальной цивилизации, в которой, если такое доминирование какой-либо отрасли и имеет место, обычно в большей степени «разбавляется» другими отраслями и не имеет сельскохозяйственной направленности, как, например, нефтегазовый комплекс в современной России.

Доминирующая сельскохозяйственная отрасль или культура влияет на уровень развития и тип цивилизации. Так, суходольный рис предполагает подсечно-огневое хозяйство, и в этом отношении характерен для полудиких племен. Поливной же рис требует сети каналов и, следовательно, систематической и скоординированной работы большого количества людей, что создает настоятельную необходимость общественной организации. В то же время зависимость всего общества от ирригационной инфраструктуры, создаваемой организованными усилиями всех его членов, способствует доминированию в его организации элементов иерархии в ущерб горизонтальным связям, поскольку командная система более пригодна для мобилизации общества для решения определенной задачи. В этом важное отличие рисовых культур от европейских стран, выбор которыми пшеницы и скотоводства в качестве вспомогательной отрасли, не ставит их хозяйство в зависимость от совместных действий больших масс людей и вытекающей отсюда крупной иерархической организации (*Wittfogel* 1957, 162–166).

Другим важным отличием Европы является ее сравнительно большая ориентация на развитие, сопровождаемое не ростом населения, а его обогащением и усилением. Мясной рацион позволяет прокормить меньшее население, но зато повышает качество его жизни и наделяет его большей жизненной и воинственной энергией. Во-вторых, меньшая плотность населения в сочетании с развитым скотоводством стимулирует выбор трудосберегающих технологий. В Европе это выразилось в развитии источников энергии и повышения производительности, альтернативных человеческому приводу, таких как скот, ветряные и водяные мельницы, дрова и уголь, а также навоза в качестве удобрений. В Китае неразвитость животноводства и обилие населения приводили к тому, что почти единственным источником энергии и плодородия служил человек (*Бродель* 2007, 308–309; *Burke* 1990, 46; *Wallerstein* 1974, 56–57).

¹² В это же время происходит и «вторая сельскохозяйственная революция», связанная с прогрессом в технологии (*Fogel* 2004, 21).

Итак, в доиндустриальном мире географически-обусловленный пищевой режим выступал в качестве мощного фактора, объясняющего постоянство в территориальном распределении населения и вместе с ним устойчивые различия общественных устройств. В индустриальную же эпоху сравнительная роль пищевого режима ослабла, что привело к нарушению традиционных соотношений, и теперь различия между странами в плотности населения и их строе перестали обнаруживать прежнее постоянство. Возможное объяснение этих изменений заключается в том, что аграрные страны, ориентированные на экстенсивное развитие получили дополнительный импульс для него благодаря одним лишь контактам с индустриальными странами, так что Промышленная революция вызвала ускорение не только в индустриальном, но и в аграрном мирах. Поскольку же различие ориентации между Западом и Востоком, соответственно, на повышение качества жизни и рост населения, осталось, это ускорение и привело к нарушению пропорции между европейским и азиатским населением.

ДОИНДУСТРИАЛЬНЫЙ И ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ МИРЫ В КЛАССИЧЕСКОЙ И НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИЯХ

Из этого обзора можно увидеть, насколько большое значение имеет естественная среда для формирования общества и его хозяйственной жизни в доиндустриальном мире. Эти факторы значимы и для индустриального мира, и их игнорирование может быть отчасти оправдано лишь способностью этого мира адаптироваться к недостаткам территорий с помощью того или иного рода инноваций. Поэтому несовершенство и неоднородность естественной среды и связанные с этим несовершенство и неоднородность институциональной среды являются важными предпосылками для экономического анализа истории и особенно истории доиндустриальной¹³.

Хотя классическая теория Смита, Рикардо, Мальтуса и Милля и стала первоосновой для современной неоклассической теории, она еще во многом оставалась теорией доиндустриального общества. Целью их научных занятий было открытие объективных законов — законов, никак не связанных с индивидуальными предпочтениями, решениями, рациональностью и т. д. Законы эти целиком и полностью вытекают из условий жизни человека на земле с ее ограниченными пространством и прочими ресурсами.

Например, капитал — не более чем излишек средств существования сверх минимума в масштабах всего общества, накапливаемый вследствие наличия еще неиспользованных пространств, доступных для освоения человеком. Пока мировое население не достигло предельного значения, имеет место этот излишек, аккумулируемый определенным классом — капиталистами — и используемый для целей экстенсивного экономического роста. Как образование капитала, так и его использование для найма дополнительной рабочей силы, по сути, не вытекают из решений отдельных капиталистов: излишек определяется разницей между фактическим и предельным населением, этим же определяется и норма прибыли, побуждающая класс капиталистов делать инвестиции в увеличение человеческого рода. Пока сохраняется излишек, он направляется на размножение человека; когда население достигнет пика, излишка оставаться не будет и не будет роста ни дохода, ни населения. Предложение труда есть просто мировое население, которое увеличивается или сокращается в ответ на изменение количества средств существования, отражающееся в изменениях ставки заработной платы.

Современная теория, как и классическая, постулирует законы спроса и предложения на рынке труда, но объяснение предлагает иное. Население считается заданным

¹³ При этом следует отметить, что описываемый здесь вариант «сложной географической гипотезы» содержит в себе в качестве составляющей и «институциональную гипотезу» (Acemoglu et al. 2001; 2002), поскольку предполагает взаимозависимость между естественной и институциональной средами.

и независимым от экономических условий, поскольку считается, что прокорм гарантирован каждому (*Скоробогатов 2009, 62–63*), а размножение не зависит от излишка средств существования. Если доиндустриальный человек, рассматриваемый классиками, озабочен прежде всего тем, чтобы выжить и оставить потомство, то современный человек, рассматриваемый нынешней теорией, прежде всего озабочен наилучшим употреблением своей жизни — ее продление ему гарантировано, и ему остается только рационально распределить время между работой, доставляющей блага, и досугом, чтобы воспользоваться жизнью наилучшим образом (*Fogel 2004*).

Соответственно, предложение труда растет или сокращается в ответ на рост или падение зарплаты в результате индивидуальных решений, направленных на максимизацию полезности, а не из-за изменения численности населения. Спрос на труд вытекает из индивидуальных рациональных решений уравнивания предельных продуктов труда и ставок зарплаты, а не из задаваемого мировым населением излишка средств существования. Таким образом, *для классиков человеческое поведение жестко детерминировано стремлением к индивидуальному и родовому выживанию, как это имеет место и в мире животных и насекомых, а для современной теории поведение человека определяется его новой социальной природой как потребителя*. В обоих случаях все свойства общества выводятся из этих исходных посылок.

Соответствие классического подхода реалиям доиндустриального мира выразилось в том, что он отразил безусловное доминирование в этом мире аграрного сектора, при котором подавляющая часть населения занята обеспечением пропитания и только очень немногие живут за счет излишка средств существования, создаваемого аграрным сектором; исключительно экстенсивное развитие, когда рост, если и происходит, то только за счет освоения новых земель; и, наконец, то, что по причине очень медленных темпов, рост перекрывается ростом населения, вызывая мальтузианские кризисы.

В индустриальном мире сельское, как и прочее, хозяйство приобрело интенсивный характер, что породило быстрый экономический рост, опережающий рост населения. Теперь излишек стал образовываться во все увеличивающемся масштабе, что, обеспечив гарантированное пропитание, превратило человека в потребителя.

Переход от классической к неоклассической теории, фактически, стал отражением перехода от доиндустриального общества к индустриальному в том отношении, что предпосылки классического анализа соответствовали отчасти уходившему в прошлое доиндустриальному миру, отчасти наступавшему индустриальному. Основными индустриальными предпосылками классической теории стали предположения о всеобщем разделении труда и накоплении капитала — в доиндустриальном мире явлений, охватывающих лишь незначительную часть населения. Важнейшей же доиндустриальной предпосылкой стало наделение экономического роста двумя такими свойствами, как *экстенсивный характер и его ориентированность на рост населения*, где первое свойство относится к источникам роста, а второе — к его конечным результатам. В частности, предполагалось, что рост в основном происходит за счет вовлечения в оборот дополнительных ресурсов и, что гораздо важнее, *его плоды целиком расходуются на дополнительное население*.

Индустриальная история Запада отчасти оправдала эти предположения: его развитие в огромной степени зависело от возрастающего потребления ресурсов, откуда острая борьба за колониальные владения, а рост дохода сопровождался демографическим взрывом. Тем не менее, в этот период индустриальный мир приобрел такое нехарактерное для предшествующих эпох свойство, как устойчивый рост душевого дохода, означающий, что доход систематически рос опережающими темпами сравнительно с

ростом населения. Это стало важнейшим источником интенсификации развития. Ведь если хотя бы часть добавочного дохода не тратится на дополнительное население, она должна использоваться на повышение качества жизни. Рост же, ориентированный не только на увеличение населения, но и на улучшение его жизни, должен способствовать уменьшению удельного веса добывающих отраслей включая сельское хозяйство в пользу обрабатывающих отраслей и услуг.

Последние, по А. Маршаллу, в отличие от первых характеризуются постоянной отдачей от масштаба. Применительно к обсуждаемой здесь теме мысль Маршалла можно обобщить в том отношении, что отрасли, в зависимости от того, обслуживают ли они рост населения или рост качества жизни, различаются ресурсоемкостью. Следовательно, чем в большей степени рост ориентирован на повышение качества жизни, тем меньшие требования он предъявляет к ресурсам и, следовательно, тем больше возможностей он создает для интенсификации.

Тем самым, не оправдавшийся в Западном мире прогноз Рикардо о наступлении стационарного состояния указывает на *возможность двух типов экономического роста, один из которых ориентирован на рост населения, а другой — на повышение качества жизни*. Это проливает дополнительный свет на характер современной индустриальной цивилизации, состоящий в том, что ей удалось развитие в соответствии со вторым из указанных типов роста.

Эти наблюдения относительно взаимосвязи между историей общества и историей экономической науки позволяют предположить, что для надлежащего экономического анализа прошлого может быть полезным изучение не только фактов, но и идей прошлого. И это естественно, поскольку теория, вольно или невольно подстраиваясь под современные ей реалии, обычно приобретает склонность распространять свои исторически обусловленные достижения на все предшествующие эпохи. Поэтому прогресс в изучении истории методами экономической науки может потребовать соответствующей модификации ее метода в направлении смягчения или замены ее допущений, аналитическая ценность которых ограничивается лишь современной эпохой.

РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Наложенные на себя неоклассической теорией жесткие методологические ограничения позволили ей выработать строгую схему функционирования идеального рыночного хозяйства. Эта схема обеспечивает надлежащую основу для анализа реальной индустриальной экономики, несовершенства и изъяны которой могут рассматриваться как отклонения от теоретического идеала. Однако применение экономической теории для изучения общества в нерыночных сферах жизни, в том числе на доиндустриальной стадии, требует от нее определенного раскрепощения.

Один из элементов такого раскрепощения сводится к допущению о неоднородности естественной среды и может быть связан с возрождением традиций классической школы. Другой же элемент предполагает допущение о неоднородности институциональной среды у разных обществ. Этот второй элемент, в частности, стал выражаться в широком применении дилеммы заключенных для экономического анализа социальных процессов.

Ее основное положение заключается в том, что индивидуальная рациональность часто может находиться в противоречии с общественной рациональностью. Это революционная идея для экономической науки, если учесть, что на протяжении почти двух столетий после «Богатства народов» А. Смита господствовал взгляд, согласно которому наилучших результатов посредством действия невидимой руки общество достигает тогда, когда его типичным представителем является «экономический человек». Смит

учитывал координирующую роль государства и прав собственности, но развитый на основе его идей подход, в конечном счете, стал помещать экономического человека исключительно в институциональные рамки рыночной экономики, направляющей эгоистическую энергию в русло общественного интереса.

Экономическая теория заключенных позволяет использовать принцип рациональности для объяснения не только богатства народов, но и их бедности (Olson 1996; 2000). Индивидуальная рациональность приводит к общественно-полезным результатам только при наличии институциональных рамок, задающих ей нужное для этого направление. Описанные выше предпосылки неоклассической теории, по существу, и сводятся к допущению о том, что таковые всегда имеются и принимают форму рыночной экономики. Необходимое же для анализа всех сфер общественной жизни ослабление этого допущения позволяет посмотреть, как будет вести себя экономический человек в других институциональных контекстах или вовсе без такового.

Такому раскрепощению во многом способствует универсализации экономической науки, открывая возможность такой экономико-исторической дисциплины, как экономика истории, вместо экономической истории. Экономика истории предполагает последовательное применение принципа рациональности при изучении любых механизмов координации и стимулирования, а не только рыночной системы относительных цен, и всех сфер общественной жизни, а не только хозяйства, в их историческом развитии. В соответствии со сформулированным Г. Беккером принципом экономика истории, как и полагается универсальной общественной науке, будет отличаться не предметом, поскольку все, что составляет содержание истории, может быть ею рассмотрено, а только подходом.

Рис. Стандартная и раскрепощенная формы неоклассической теории

Вероятно, наиболее известным примером теории, которую можно отнести к экономике истории, является теория Д. Норта и его разнообразных соавторов (North 1981; 2005; North et al. 2009). Подобно Смиту, он ставит вопрос о том, что лежит в основе различий в темпах роста и душевого дохода между странами и эпохами? Наиболее выдающимся примером таких различий является разница между современной индустриальной и доиндустриальной цивилизациями, проявляющаяся, как уже упоминалось, в наличии у первых, в отличие от последних, системного признака в виде быстрого экономического роста. При более широком взгляде, разница в благосостоянии проявляется как во времени, так и в пространстве при сравнении успешных индустриальных (или постиндустриальных) с менее успешными индустриальными странами; индустриальных и доиндустриальных стран; или же античной цивилизации, обнаруживавшей способность к экстенсивному росту, со многими другими цивилизациями Древнего мира и последующего Средневековья, обладавшими такой способностью в меньшей степени или не обладавшими ею вовсе.

Для ответа на поставленный вопрос Норт рассматривает различные стороны общественной жизни в историческом развитии, используя для их анализа принцип рациональности. В качестве отправной точки принимается схема Смита. Согласно этой схеме, «богатство народов» определяется глубиной разделения труда. Последняя за-

висит от размеров рынка, которые можно количественно определить как долю производственных и потребительских благ, которые в среднем приобретают на рынке, а не посредством собственного производства. Эта доля определяется сравнительными выгодами от торговли, которые Смит связывает с работой ценовой системы. Тем самым Смит стал родоначальником неоклассического подхода, увязывающего экономическое благосостояние единственно с рынком. На вопрос, вынесенный в заголовок его книги, он отвечает, что в основе богатства народов лежит реализация выгод от торговли и связанной с ней специализации¹⁴.

Норт развивает эту мысль, принимая эффективность институциональных рамок для функционирования рынка и, в частности, спецификацию и защиту прав собственности как переменную величину. Эффективность институциональной структуры определяется качеством оказываемых ею услуг координации и стимулирования; ее следует оценивать по создаваемым ею информационным сигналам и стимулам для экономических агентов. Сигналы должны давать правильную ориентацию в том, что следует делать в рамках общественного разделения труда, а стимулы — поощрять производительную деятельность либо лишать вознаграждения или наказывать тех, кто занят делом, бесполезным или вредным для общества. Экономические последствия выполнения институтами своих функций состоят в том или ином функционировании экономики, которое оценивается по эффективности размещения ресурсов. О последней же судят по таким параметрам, как экономический рост, душевой доход и его распределение в обществе. Выходит следующая схема: права собственности — размеры рынка — разделение труда — размещение ресурсов.

Итак, ответ на вопрос о различиях в богатстве народов Норт предлагает искать в различающихся во времени и пространстве институциональных структурах. Содержащиеся в последних системы сигналов и стимулов различаются тем, насколько они ориентируют и стимулируют индивидов в направлении общественно-полезной деятельности. Поскольку торговля и разделение труда создают не только выгоды, но и (транзакционные) издержки, от уровня этих издержек зависит реализация выгод от торговли и специализации. Разные институциональные структуры различаются своей эффективностью в плане снижения транзакционных издержек и, следовательно, в обеспечении условий для реализации выгод от разделения труда. Эта эффективность определяется степенью спецификации прав собственности¹⁵.

В этом контексте может быть истолковано и последовательное доминирование первичного, затем вторичного и, наконец, третичного секторов по мере прогрессив-

¹⁴ Однако остается неясным, почему эти выгоды реализуются не всегда и не везде. В классической и неоклассической теориях ответом на этот вопрос было указание на государство, ограничивающее рыночную стихию и не позволяющее обществу извлечь из нее полные выгоды. Дело выглядело так, как будто имеется два антагонистических института — рынок и государство, — где функция первого состоит в обеспечении народов богатством, а роль второго — в том, чтобы помешать первому выполнить свою функцию. Это явно или неявно наделяет государство сугубо перераспределительной функцией, делая заинтересованным в нем часть общества, получающую выгоды не от конструктивной деятельности, а от извлечения ренты из перераспределения доходов. Правда, в отличие от сформированной им традиции, Смит не рассматривал рынок как самодостаточный институт, обуславливая его эффективную работу наличием прав собственности. Об этом можно судить по той роли, которую он отвел государству в экономике. Хотя и он осуждает государственное вмешательство в работу рынка, у него предусматриваются также функции государства, являющиеся необходимым условием самого существования рынка. Эти функции сводятся к оборонным и полицейским функциям, а также организации общественных работ. Если предположить, что смысл последней функции, главным образом, заключается в том, чтобы занять неимущих для ослабления у них стимулов прибегать к грабежу, можно сказать, что все функции, которые по Смицу должно выполнять государство в экономике, связаны с защитой прав собственности.

¹⁵ В качестве же прокси для последней Норт предложил долю транзакционного сектора в структуре экономической деятельности, в который он включает отрасли, специализирующиеся не на создании, а на распределении благ.

ного экономического развития. А именно оно отражает постепенное увеличение относительной роли организационных аспектов хозяйства по сравнению с чисто технологическими. Это значит, что первичным фактором относительного богатства народов является строение общества, от которого в конечном счете зависит наличие необходимых ресурсов и процесс изобретения и внедрения прогрессивных технологий. И тогда прогресс индустриальной цивилизации объясняется не столько технологическим прогрессом, — многие элементы которого имели место и в доиндустриальную эпоху, но не были реализованы, — сколько прогрессом в области устройства общества, который сделал возможным такую реализацию.

ЛИТЕРАТУРА

- Блауг М.* (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД.
- Бродель Ф.* (1992). Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс.
- Бродель Ф.* (2006). Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2. Игры обмена. М.: Весь Мир.
- Бродель Ф.* (2007). Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь Мир.
- Верт Н.* (2006). История советского государства. М.: Весь мир.
- Вишневский А.Г.* (2005 (1976)). Демографическая революция. М.: Статистика.
- Ключевский В.О.* (1987). Курс русской истории. М.: Мысль.
- Кулишер И.М.* (2004а). История экономического быта Западной Европы. Челябинск: Социум.
- Кулишер И.М.* (2004б). История русского народного хозяйства. Челябинск: Социум.
- Моммсен Ф.* (1887). Римская история. Т. 1–5. М.: В.Ф. Рихтер.
- Нефедов С.А.* (2008). Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Территория будущего.
- Скоробогатов А.С.* (2009). Жизнь или свобода: рациональные основы принудительного труда в исторической перспективе // *Журнал институциональных исследований*. Т. 1. № 1. 57–72.
- Скоробогатов А.С.* (2010). Институциональное понимание истории // *Экономика и институты*. Под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр». 170–190.
- Скоробогатов А.С.* (2011). Дары, дарообмен и рыночный обмен на шкале организационных форм // *Вопросы экономики*. № 11. 38–56.
- Энгельс Ф.* (1961). Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // *Сочинения К. Маркс и Ф. Энгельс*. Т. 20. М.: Госполитиздат. 5–338.
- Acemoglu, D.* (2009). *Introduction to Modern Economic Growth*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
- Acemoglu, D., Johnson, S. and Robinson, J.A.* (2001). The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // *American Economic Review*. Vol. 91. No.5. 1369–1401.
- Acemoglu, D., Johnson, S. and Robinson, J.A.* (2002). Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 117. No. 4. 1231–1294.
- Alchian, A.A.* (1950). Uncertainty, Evolution, and Economic Theory // *Journal of Political Economy*. Vol. 58. No. 3. 211–221.

Braudel, F. (1972). *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*. Vol. I–II.

Buchholz, T.G. (1988). *Biblical Laws and the Economic Growth of Ancient Israel* // *Journal of Law and Religion*. Vol. 6. No. 2. 389–427.

Burke, P. (1990). *The French Historical Revolution: The Annales School, 1929-89*. Cambridge: Polity Press.

Finley, M.I. (1965). *Technical Innovation and Economic Progress in the Ancient World* // *Economic History Review. New Series*. Vol. 18. No. 1. Essays in Economic History. 29–45.

Finley, M.I. (1985). *The Ancient Economy*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

Fogel, R.W. (2004). *The Escape from Hunger and Premature Death, 1700-2100. Europe, America, and the Third World*. NY: Cambridge University Press.

Klapisch-Zuber, C. (2008). *Plague and Family Life* // *The New Cambridge Medieval History*. Jones M. (ed.) Vol. VI c. 1300 c. 1415. Cambridge: Cambridge University Press. 124–154.

North, D.C. (1981). *Structure and Change in Economic History*. NY: Norton.

North, D.C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton: Princeton University Press.

North, D.C., Wallis, J.J. and Weingast, B.R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.

Olson, M. (1996). *Big Bills Left on the Sidewalk: Why Some Nations Are Rich, and Others Are Poor* // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 10. No. 2. 3–24.

Olson, M. (2000). *Power and Prosperity. Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships*. NY: Basic Books.

Rostovtzeff, M. (1998 (1926)). *The Social and Economic History of the Roman Empire*. NY: Oxford University Press.

Rostovtzeff, M. (1960 (1928)). *Rome*. Sec. Ed. NY: Oxford University Press.

Rostovtzeff, M. (1998 (1941)). *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. NY: Oxford University Press.

Wallerstein, I. (1974). *The Modern World-System*. Vol. I. *Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. NY: Academic Press.

Wittfogel, K.A. (1957). *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven and London: Yale University Press.